

КАТАНОВ В. М.

ОДНАЖДЫ В ОРЛЕ

ДАВНЫМ-ДАВНО

В том краю, где мы живем, было море. Бушевали штормы, а при хорошей погоде синела ровная гладь. Но ни единый парус не белел на пустынном просторе. Солнце выходило из воды и уходило в воду. Волны шли и шли, возвышаясь над бездной. Казалось, ничто не остановит их, ничто не изменит картины, хотел бы сказать, привычной взгляду, да некому было увидеть это...

Однажды синее море стало буйно-зеленым лесом, цветущим степным пространством, рассеченным лентами рек, холмистым возвышением с каменистыми склонами оврагов. Время превращений одной картины в другую тянулось очень долго — миллионы лет.

И вот в лесах появились звери — будущие герои русских сказок. Вершины деревьев наполнились звоном птиц. В небе стали кружить орлы, не подозревая, что им суждено подарить имя целому краю.

Шумными веснами бежали воды с возвышений в низины, размывая землю до глины и камня, творили овраги, где в летнюю пору зацветали травы, густо холмился боярышник, пряча хрупкие гнезда в шелестящей листве, поднимались белокорые березки-красавицы, наливались алым жаром кисти рябин. Прохлада и сумрак даже в жаркие, июльские дни царили на илистом дне. Небо то сияло, то хмурилось, и тучи, сталкиваясь друг с другом, гремели грозно, метали молнии и обрушивались на землю долгим ливнем. Когда же гром затихал, расцветала радуга, опоясывая видимый мир...

Потом приходила осень с журавлиными кликами в небе, с холодными туманами зорь на реке, с почти неслышно шелестящим червенно-золотым листопадом, с обложными, затяжными дождями. За осенью говорливые сороки на белых хвостах приносили зиму, и она пухлое одеяло набрасывала на весь неоглядный простор, веля молчать рекам и заставляя морозными ночами от стужи, цепкой и колкой, зябко ежиться даже луну и звезды. Но вот крикнул сыч за рекой, дохнуло теплым ветром с далекого Русского моря, ныне называемого Черным, и сугроб, причудливо навеянный метелью, обернулся потоком, пошла кипеть-клокотать разгульная сила половодья, понеслись громоздкие льдины на виду городищ и селищ. А там уляжется река в свои берега, вскинет голову подснежник и от радости так зацветет проворно, что им залюбуется ива и выбросит пушистые сережки раньше листьев. В местах, где сохнет ил, нанесенный вешними водами, среди камешков, заплутавших в тинебороте, мелькнет что-то странное: то ли раковина, то ли зуб акулы, что когда-то носилась по морю-океану нашего равнинного края...

Много разных народов теснилось на берегах Оки, Сосны, Зуши, Оптухи и прочих рек с незапамятных времен, но вот, говоря словами историка нашего края Г. М. Пясецкого, «пришло с запада бодрое славянское племя» и утвердилось навсегда. Привел это племя легендарный Вятко, упомянутый летописцем. От него в глуши, обильной зверем и птицей, пошли вятичи — мирное, вольнолюбивое племя, не признающее никакой власти над собой, кроме власти вечно горящего солнца. По реке сновали их легкие лодки. На холмах выселись селения, отгороженные от незваных гостей частоколом и валом.

Вятичи ходили на охоту и ловили рыбу, пахали и сеяли, придумывали долгими зимними ночами удивительные сказки, а весенними зорями собирались на веселые игрища: воздух дрожал от песен, не известно кем сочиненных, соловьи заливались, хмелея от земного торжества любви.

Всматриваясь в окружающий мир, наши предки не только замечали зверей и птиц, не только видели облака и звезды. Они еще верили в недоступное взору, населяли природу

множеством разных богов: Ярило сиял над землей, Перун гремел громами и метал молнии, Стрибог шумел ветрами, Белее покровительствовал скоту, Купало правил водами, Улад — весельем. Тайнственной жизнью жили постоянные спутники человеческого бытия: домовые, водяные, леший, русалки и даже угрюмые буки.

В далеком граде Киеве строгий монах Нестор, помолясь единому Богу, длинным гусиным пером записал для потомков:

«А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу. И браков у них не было, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну...»

И еще написал, что вятичи жили в мире с другими славянскими племенами.

Но вот пришли хозары и потребовали дань. Пришлось покориться.

Потом пожаловал из Киева Олег с дружиной.

- Кому даете дань? — спросил.

— Хозарам, — ответили вятичи.

— Я враг им.

Согласились давать Олегу и даже поплыли с ним через море греков громить.

После Олега опять окрепли хозары. Прибыл с берегов Днепра к верховьям Оки князь Святослав, сын Игоря и Ольги, внук Рюрика, обложил вятичей данью в свою пользу и пошел на Дон брать хозарские города. Потом на Дунай двинулся. Вятичи, оставшись одни, подумали-подумали и решили больше Киеву дани не давать. Святослав, узнав об этом, вновь появился на берегах Оки и подтвердил свои права. Подтвердив, ушел на Византию. На обратном пути в 972 году его подстерегли у днепровских порогов коварные печенег: их князь стал пить вино из черепа великого полководца десятого века.

Сын его Владимир в 988 году крестил киевлян. За семь лет до этого события он побывал у вятичей и, потрясая оружием, напомнил о дани. Предки наши согласились, но, едва князь скрылся за холмом, как «заратились» снова. Во второй раз пришел Владимир, наказал вятичей удвоенной данью.

Время Владимира — время былин. Самой известной стала былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Победил удалой казак своего противника, приводившего в трепет округу свистом и криком, не где-нибудь, а в наших местах (село Девять Дубов близ станции Одринской). Есть мнение, что лихой вятич не сложил голову на подворье князя Владимира, а стал ему верно служить под именем Соловья Будимировича.

Но беспокойное племя наших предков, имевшее своих князей и старейшин, долго еще выказывало трудный характер то Киеву, то Чернигову. Славный Владимир Мономах, сын Всеволода, с гордостью писал о нелегких победах своих: «На вятичей я ходил две зимы — на Ходоту и на его сына».

Кукша, ученый монах, не успел написать. Его, просветителя вятичей, топорами встретили между нынешними селами Тельчье и Карандаково под Мценском. Усекли вместе с его учеником Никоном на рассвете и остались надолго во мраке язычества упрямые вятичи.

Случилось это в ту пору, когда двенадцатый век не успел еще пройти и половину пути. Как раз в это время начали расти города Карачев, Мценск, Елец, Севск, Трубчевск, Новосиль, Кромы, Ливны. Последние два потом исчезли надолго и родились заново уже в конце шестнадцатого века. Не возродились Болдыж, Спашь, Вщиж, Домагощь, Девягорск и другие древние города. Затерялся в тумане легенд Кърдно. Зато ранее многих гордо поднял голову Брянск — Дебрянск и поплыл по волнам тысячелетия к славе своей.

Край, где четыре века спустя суждено было взмахнуть крылами Орлу, одной половиной примыкал к Карачеву, другой — ко Мценску, входил в Черниговское княжество. Около половины XII века нами правил, сидя в Новгороде-Северском, Святослав Ольгович. Когда против него пошли Владимир и Изяслав Давидовичи из Чернигова, пришлось Святославу бежать в Карачев. Неугомонные Давидовичи его и оттуда вытеснили. Но, как только ушли, Святослав вернулся. Старейшины вятичей, поддержавшие было Давидовичей и

их союзника Святослава Всеволодовича, встали горой за прежнего князя — за Святослава Ольговича. Тяжко было переносить время междоусобных схваток, а тут еще Юрий Долгорукий прибыл, творя опустошительный поход 1152 года. Взял Мценск, Карачев и прочие города.

— Все вы — наши государи и нам равны, — говорили воюющим князьям миролюбивые вятичи. — Кто нами владеет, тому мы покорны.

Князья не унимались. Смутой на Руси решили воспользоваться половцы. Их разбойные набеги стали сущим бедствием. В 1157 году они оказались близ Ельца. Пожгли, пограбили и с богатым полонем двинулись к себе на Дон. Ночью их догнали русские князья, отняли полон, а самих перебили. Половцы продолжали нападать на Русь.

В мае 1185 года под Карачевом цвела сирень, как и в наши дни. Роши звенели соловьями, над степью кружили орлы. В эту пору в наши места пожаловал Святослав, сын Всеволода. Пожаловал по очень важному деду. Войско собирал для большого похода на половцев.

Отсюда отправился в Новгород-Северский. Князя Игоря дома не оказалось. Он оставил в Путивле свою молодую жену, позвал брата Всеволода, храбрейшего князя Трубчевского, и двинулся на Дон славы искать. Задумался их отец Святослав и, полный тревожных дум, поехал в Чернигов. Там-то и настигла его страшная весть: русское войско разбито, сыновья — в половецком плену. И сказал тогда Святослав золотое слово, со слезами смешанное, осудил сыновей за поспешный поход.

Обессмертил этот поход гениальный поэт XII века, ученик великого Бояна, сотворив «Слово о полку Игореве».

Были в том походе и наши предки.

Плакали, вспоминая мужей своих, Ярославны нашего края...

А время между тем шло и шло своим чередом. И привел на Русь монгольское племя татар кровавый XIII век.

Сначала на Калке в 1223 году были разбиты недружные русские князья, в том числе, Мстислав Удалой из Чернигова. Потом в 1237 году свирепый Батый залил кровью Рязань, Москву, Козельск. Историк нашего края Г. М. Пясецкий уверял, что именно в эту пору «последнюю чашу гнева Батыея» испил Болхов. Автор книги «Минувшее Орловского края» генерал А. Н. Шульгин, споря с Пясецким, предполагал, что татары появились в наших местах лишь в 1240 году после захвата ими Чернигова. Черниговский князь Михаил, принявший престол после своего дяди Мстислава Удалого, поехал к хану и там был замучен.

В 1252 году его сын Роман переехал в Брянск и сделал этот город главным в Черниговско-Северском краю.

Наши предки, приняв на свои плечи всю тяжесть татаро-монгольского ига, искали спасения в лесах. Ханские сборщики дани и там их находили. Отбирали все, даже детей и жен. Слезами и кровью исходила наша земля.

Пришел XIV век.

В этом веке кровавым походом дошел до Ельца Тамерлан — это было в 1395 году.

В начале же столетия Брянск и Карачев стали ареной жаркой борьбы за власть между местными князьями. На западе между тем росло и крепло Великое княжество Литовское. Много русских земель занял, отняв у татар, Гедимин. Еще более — его сын Ольгерд. В 1356 году он пришел в Брянск и посадил на престол княжеский сына Дмитрия. Приняли власть Ольгерда Чернигов, Карачев, и прочие города. В 1362 году литовский князь разбил татар у Синих вод, взял Херсонес и вошел в Киев. Хан из Сарая послал большое войско,, но и оно было разбито.

Успехи литовцев радовали русских.

В 1380 году и русские на поле Куликовом разгромили татар. В той битве вечной славой покрыл себя монах Александр Пересвет с берегов Десны, храбро дрались воины из Брянска и Новосила.

Грюнвальдская битва 1410 года свела под одни знамена литовцев, поляков, русских и

даже татар. Полную победу одержали они над тевтонскими рыцарями.

Были в той битве и уроженцы наших мест. Они, по мнению орловского историка А. Н. Шульгина, или были «уничтожены при второй атаке ордынцев, или же в числе тех, которые вместе со смолянами дали главный отпор и вырвали победу из рук неприятеля».

В 1430 году умер князь Витовт, один из главных героев знаменитой битвы. Казимир Четвертый в 1454 году подписал акт о присоединении Литвы к Польше. Волны католичества поднимались все выше и грозили докатиться до наших мест.

Но уже поднялась и крепла с каждым годом Москва. В 1462 году на ее престол вступил Иван Третий, двадцатидвухлетний сын Василия Темного. Сильного соперника почувствовал в нем Казимир Четвертый.

Стал свидетелем король падения татаро-монгольского ига на Руси в 1480 году. Его же сыну Александру пришлось под мощным натиском московских войск, вооруженных пушками, оставить в 1500 году Брянск, Мценск, Стародуб, Гомель и весной 1503 года подписать мир.

Исконные русские земли были возвращены, Москва становилась центром большого государства, а предкам нашим покоя не давали крымские татары. То и дело под копытами их коней дрожали Муравский шлях, Изюмский шлях, Свиная дорога, Царева дорога.

Летом 1552 года, когда Иван Грозный штурмовал Казань, в наши места прибыл из своего Бахчисарая Девлет-Гирей. Войско, оснащенное турецкими пушками и пополненное янычарами, наводя на жителей страх и ужас, стремительно двигалось к Москве. Получив отпор, повернуло на юг.

Через три года опять наши предки увидели разбойного крымского хана. Дошел до Судбища, старинного села. Тут-то и произошла жаркая битва, после которой татарам пришлось убираться поспешно домой, к теплым волнам Черного моря.

В 1556 году русская рать взяла Астрахань, выгнав оттуда ногайского хана.

Как раз в эту пору в наших местах появился Василий Иванович Кашин, назначенный воеводой в Волхов. На Красной горе, над речкой Нугрь подняла бревенчатые стены и башни, с тайным ходом к воде, новая русская крепость. Воевода торопил мастеров, проверял, все ли есть нужное на случай осады у стрельцов, пушкарей, казаков. И посадским велел быть наготове. В трудный час и они с пищальями и рогатинами должны поспешить в крепость.

Такой час настал в 1562 году, когда Девлет-Гирей штурмовал Мценск, а затем Волхов и Новосиль. Мценск не взял, только часть посада сжег, а другим городам досталось от разбойного хана.

Прошло три года. Осень постелила свои золотые ковры. По этим коврам и прискакало к Волхову хорошо отдохнувшее, надежно вооруженное войско крымского хана.

Воеводы Василий Кашин и Иван Золотой подняли всех на ноги. Защитники крепости встали на стены, заполнили башни. Татары рванулись вперед и тут же попали под град пуль и камней, под ливень кипящей смолы. Пушки кинули ядра в самую гущу нападающих. Девлет-Гирей насупился и велел отойти.

Назавтра опять послал свое войско на приступ. Защитники крепости и на этот раз не пустили врага на Красную гору. Более того, сделали вылазку и захватили много пленных.

Девлет-Гирей был в ярости. Двенадцать дней простоял под Волховом, а города так и не взял. Хотел было зажечь посад, но тут донесли ему, что на помощь Волхову войско Вельского и Мстиславского идет из Москвы.

— Вперед! — крикнул хан, повернувшись к упрямой крепости широкой спиной.

Приказ был выполнен мгновенно. На рассвете 19 октября 1565 года глянули болховские воеводы в сторону татар, а их и след простыл. На том месте, где красовался нарядный шатер крымского хана, осталось большое темное пятно. Вздохнули облегченно Василий Кашин и Иван Золотой: в самое время сняли татары осаду, к концу подходили запасы в крепости.

В 1566 году было тихо. Девлет-Гирей отдыхал в своем бахчисарайском дворце, набитом женами, как невольничий корабль рабами. Иван Грозный принимал литовских

послов и заботился о том, чтобы Ливонскую войну закончить присоединением Риги. Были и другие заботы у царя. После Земского собора он ответил новыми казнями на требование отменить опричнину: около двухсот голов слетело с плеч. Измена Андрея Курбского, славного полководца, совсем ожесточила душу царя,

И поехал он, полный тяжелых дум, осматривать южную границу государства. Пожелал увидеть Волхов, чтобы не оставить без награды его защитников.

Можно представить себе пышный царский поезд у ворот крепости, малиновый звон колоколов на берегах Нугри и Клечетни, а затем путешествие Ивана Грозного по южным границам государства. Представить помогают предания. В одном говорится, будто царь так залюбовался крепостью на Красной горе, что хотел Волхов сделать столицей, а в местном храме даже венчался с одной из своих жен. В другом предании, записанном П. И. Якушкиным, заехал царь к мужику, сел обедать, а маленький сын хозяина хватил его за бороду. Разгневался Грозный, хотел казнить озорника. «А вели ты, царь, — сказал мужик, — принести чашу золота, а я нагребу чашу жару из печи; коли он хватится за золото — значит, он в разуме, сказни его; а коли хватится за жар — то он хватил тебя за бороду по своей несмышлености». Принесли золото, нагребли из печи жарких углей. Малыш кинулся к жару. Царь похвалил мужика, а его сына «в большие чины» представил, когда тот вырос.

Третье предание утверждает, что именно тогда Грозный выбрал место для Орловской крепости.

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Орел спал в гнезде.

Ветер осени раздевал дубраву, немногие из деревьев продолжали держать одежду на своих крепких плечах. Гонимые стужей неласковых зорь, потянулись в теплые края разные птицы, а их царь, сильный и смелый властелин неба с мощными крыльями и острым клювом, оставался в родном гнезде на вершине богатырского дуба. Дуб стоял в низине, у слияния двух рек, но был так высок, что с его вершины можно было хорошо рассмотреть и гору за рекой Орлом, куда каждый вечер уходило солнце, и широкую Оку, и ее пологий, болотистый берег, уставленный деревьями, над которыми каждое утро занималась заря. Свежий зоревой ветер будил орла, и он, оставив гнездо, плавно парил над лесным междуречьем, высматривая добычу.

Утром 28 октября 1566 года его разбудили голоса. Орел привстал над гнездом и увидел множество людей. Первым его желанием было броситься вниз и рвать нежданных пришельцев, рвать острым клювом и когтистыми лапами, как мелкую дичь. Но людей было так много, что орел замер, будто прикованный к вершине невидимой цепью. У одних за поясом сверкали топоры, другие держали в руках пилы, третьи — пищали, у четвертых, сидевших на конях, поблескивали сабли на боку.

Все поглядывали выжидательно на гору, ждали воеводу.

И вот он прибыл, развернул длинный свиток и стал читать громко:

— По повелению государя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, великого князя Владимирского, Московского, Псковского, Новгородского, Смоленского, царя Казанского быть городу сему на реке...

Толпу охватил восторг. Вверх полетели шапки. Раздались крики во славу новой крепости русской.

Воевода перекрестился, надел шапку и показал на дуб-великан:

— Рубить!

Двое мужиков в белых, отменно новых рубахах, подпоясанные красными кушаками, подбежали к дубу и ударили с двух сторон топорами.

Дуб загудел.

Небо над ним закрыли на миг широкие крылья. Орел медленно проплыл над головами людей, над червонно-золотым междуречьем и скрылся в той стороне, где заходит солнце.

Мужики, опустив топоры, смотрели, как завороженные.

— А вот и хозяин полетел! — громко сказал один из них и бросил быстрый взгляд на воеводу.

— Да, хозяин... — задумчиво молвил воевода, поглаживая бороду.

Потом вскинул голову и громким словом обдал всех, будто жарким полымем:

— Быть Орлу-городу на земле русской! Быть ему отныне и во веки веков крепкой заставой государства Московского!

И стали строить.

Первым делом рубленый город ставили, а в нем — воеводский дом, склады для хлебных припасов, для ядер и пороха. Тут же и церковь возводили. Ров копали, по которому потом побежала вода, превращая застроенное междуречье в остров. За рвом среди поля поднимался острог стоячий для пушкарей, воротников, кузнецов и прочих людей служилых. За этим острогом будет посад: селитесь, люди, сейте хлеб, разводите скотину, кормите людей служилых, а у них велика забота: зорко смотреть за дорогой, не пылит ли по ней татарва, не бушуют ли пожары на русской земле.

Пилили деревья на холодном ветру, чистили бревна и укладывали в ряд, возводя стены и башни, частокол городили при промозглом дожде, вал земляной насыпали, пока не ударили морозы. Ладили крыши, смахивая с бород хлопья первого снега.

Наверное, и весной хватало хлопот. Дело трудное и долгое — город возводить.

В 1567 году Орловской крепостью правили воеводы князь Василий Ростовский и Владимир Матвеевич Безобразов, в 1569-м — князь Андрей Иванович Татев, в 1570-м — князь Андрей Васильевич Репнин и при нем голова Семен Михайлович Хотунский, в 1571-м — воеводы князь Андрей Дмитриевич Палецкий и Михаил Назарович Глебов, в 1572-м — Василий Григорьевич Колычев и Денис Федорович Ивашкин...

Воеводы менялись, но неизменной оставалась тревога. Каждое лето ждали непрошенных гостей из Крыма.

Это время в песню вошло:

Не пыль пылит по дороге, —
Татаре идут, огонь кладут;
Под грушею кашу варят,
Под яблонью обедают;
Пообедавши, полон делят...

Полон — это русские люди, далекие предки наши, попавшие в неволю, в рабство, продаваемые за Черное море...

Тревожил Муравский шлях, что вел от стен Бахчисарая до берегов Сосны, до ливенско-елецких мест и дальше. Беспокоила Пахнутцева дорога, что шла через Курск, пробегала по берегам Оки, Рыбницы, Неручи, Оптухи. Бакаев шлях — память о набегах. Бакая Мурзы. Про Свиную дорогу говорили, что ее свинья проложила: вышла из Волхова, дошла до Карачева — свиньей называли татарского хана...

В беспокойное время родился Орел. Но затем и родился он, чтобы мир воцарился на родной земле.

Попробуем представить один из многих Дней молодой крепости.

Ясное летнее утро. Солнце поднялось над Окой, обняло лучами крепостные башни и стены, заиграло в окнах воеводского дома.

Тихо кругом. Только пушкари да стрельцы лениво переговариваются меж собой.

— Ну, что там у вас? — спрашивает казак, стоя перед башней.

— А ничего, — падает голос сверху.

— Нет ли вестей каких из наших сторож?

— Были бы вести, ты раньше узнал.

— И то верно.

Казак лениво идет по подворью.

И вдруг все приходит в движение. Что случилось? Почему воевода выбежал на крыльцо, как ошпаренный? Какая весть подняла всех на ноги, заставила пушкарей тащить ядра к пушкам, а казаков точить сабли, пики и рогатины?

Всадник привез черную весть: движется войско разбойного государства.

Воевода велит немедленно скакать в посад, чтобы люди посадские брали вилы, топоры, ножи, дубины и спешили за стену крепостную, да и жен с детьми уводили: быть осаде великой.

Самые быстрые всадники должны деревни и села известить о набеге: пусть люди с женами и детьми спешат в крепость.

Пройдет осада, тогда можно будет вернуться домой.